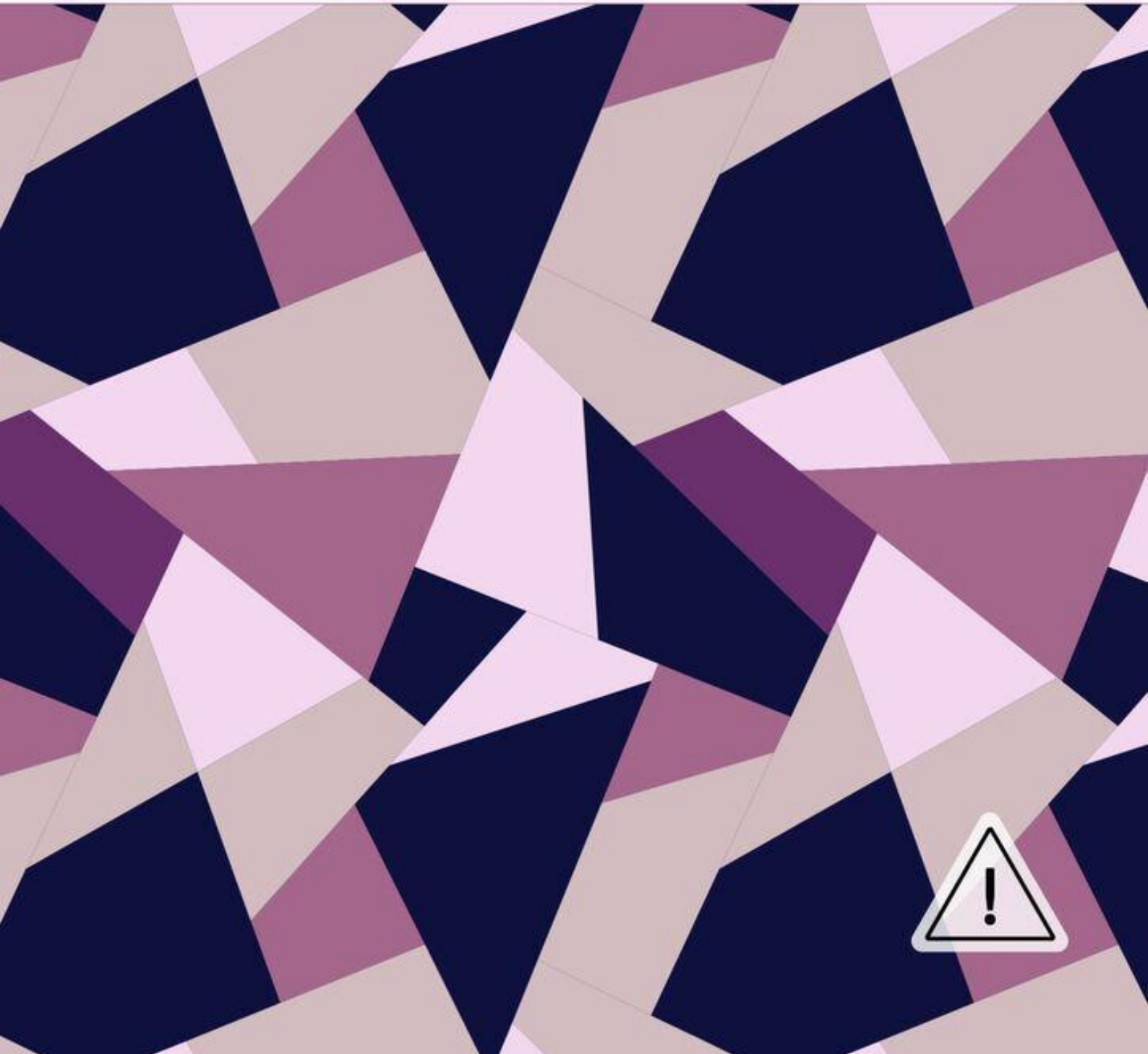
18+

Олег Лёвин

Синтагма

Олег Лёвин

Синтагма

«Издательские решения»

Лёвин О.

Синтагма / О. Лёвин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Буривой Садомиров со своими друзьями монахами из ордена гештальтгерольдов, известные борцы с нечистью и исправно бьются с духами, не давая им вырваться из Перехода в наш мир. Но однажды, во время яростной битвы Буривой сталкивается с духом девушки, которой не в силах отказать.

© Лёвин О.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Монастырь 6
Глава II. Чёрная лилия 14
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Синтагма

Олег Лёвин

© Олег Лёвин, 2026

ISBN 978-5-0071-5720-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Монастырь

Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Господом
1 Кор. 3: 19
Σύνταγμα (греч.), букв. «сопорядок», от σύν «с» и τάγμα «порядок»

За поворотом начиналась развилка. Лес расступался, и темные кроны дубов расходились в стороны, образуя свободное пространство, в которое небо было видно не просто отдельными сгустками синевы сквозь ветви, а гораздо шире — бесконечной полосой. Можно было ожидать, что какая-то из ели различимых дорог, идущих одна налево, другая направо, должны вывести к человеческому жилью. И всматриваясь до боли в глазах в пустые промежутки между деревьями, хотелось надеяться, что это именно так.

Мы присели на перекрестке, рядом с большим валуном, лежащим почти в центре развилки. Камень был густо покрыт зеленым мхом, и только местами проглядывала его серая поверхность. Десять дней назад мы покинули город Мефодиев и отправились вглубь дремучих лесов с целью найти монастырь святого Пафнутия, один из древнейших в мефодиевских пределах, сведения о котором относились еще к XI веку. Мы знали, что обитель находится в самой глубине Кабаньей пущи на берегу речки Коровец. Нам, конечно, рассказывали, что пуща практически непроходима и абсолютно неподвержена человеческому воздействию, однако мы не верили таким рассказам, полагая, что в начале XXI века да еще в центре России уже не осталось необжитых и непроходимых мест. Наверняка и в Кабаньей есть дороги, тропы и лесные поселки. Но еще позавчера мы покинули деревушку Осиновичи, расположенную у самой пущи, и с тех пор никакого человеческого жилья не видели. Жители Осиновичей уверяли нас, что уже давно не ходят вглубь пущи, ограничиваясь посещением подлеска, где собирают грибы и ягоды, но все же указали нам заросшую дорогу, которая вела к старому лесничеству. Когда мы уходили из деревни, немногочисленные обитатели ее, провожавшие нас, с ужасом глядели нам вслед, как будто провожали покойников в последний путь.

Нас было трое в этой экспедиции: я, Буревой Садомиров (собственно по моей инициативе и был затеян этот поход, поэтому меня держали если и не за командира, то за штурмана, прокладывающего путь) и два моих приятеля монаха из братства гештальтгерольдов — преподобные отцы Климент и Андрогин. Андрогин еще совсем молодой, без внешних признаков растительности на лице, что придавало его физиономии, круглой и розовой, юную свежесть. Рядом с коренастым, заросшим от бровей до подбородка безобразной рыжей бородой отцом Климентом юный Андрогин выглядел как школьник рядом со своим отцом. Мне вообще всегда казалось, что монах Климент больше похож на пастушью собаку, чем на человека. Помимо того, что все лицо его заросло волосами (ну или почти все), из-под густых бровей буравили тебя черные злые глаза, полные недоверия к собеседнику, так еще и волосы на голове, будто сваленные, торчали непокорно в разные стороны, придавая Клименту выражение некой свирепости. Мне было любопытно: может эти волосы и дальше простираются по всему телу и у монаха Климента мохнатые лапы и ноги, да не видно их под густыми складками розового подрясника. Да, да — традиционно у гештальтгерольдов цвет подрясников розовый — вековая традиция, и они за нее держатся, несмотря на насмешки, а иногда и прямые обвинения в ереси со стороны других братств. Но гештальтгерольды всегда ссылаются на то, что основатель братства, преподобный Ону, носил именно такой подрясник и завещал носить его своим последователям, вкладывая в это какой-то глубокий мистический смысл. Говорят, что тайну розового подрясника открывали только монахам высшей степени посвящения: проктаторам и сингуляторам. И, кстати сказать, отец Климент был сингулятором и наверняка знал эту тайну.

Зачем мы шли в обитель св. Пафнутия? Паломнические пути там никогда не пролегали: богомольцы не ходили в этот монастырь, хотя мощи св. Пафнутия издревле почитались в народе. Но тропы и дороги к монастырю заросли, и те, кто знал, как туда пройти, давно умерли. У нас было поручение от епископа к настоятелю монастыря, которое он передал лично мне в запечатанном конверте. Конечно, ни я, ни мои товарищи не знали тайны, содержащейся в письме, но дали слово владыке исполнить его, чего бы нам это ни стоило. Он рассчитывал на нас, опытных походников, и его вера в нас поддерживала в этом начинании.

Мы шли по заросшей дороге. Колеи были четко видны, хотя и утопали в разнообразной зелени, давно не мятой не только колесами тяжелого грузовика, ибо здесь мог проехать только он, но и сапогами разумного человека. Наши ноги осторожно касались этой одичавшей земли, и с каждым шагом в нас росла уверенность, что конечный пункт нашего путешествия уже близок. К исходу дня на опушке леса, к которой вывела нас запущенная дорога, мы увидели монастырь. Он был окружен высоким забором из толстых бревен, вертикально вкопанных в землю и плотно подогнанных друг к другу. С восточной и западной стороны возвышались две башни, мы также разглядели деревянные луковки церкви, расположенной внутри ограды и гонтовую крышу колокольни, почему-то не увенчанную крестом. Остального, т. е. построек, из-за высокого забора не было видно. Перед монастырем протекала небольшая речушка, через которую был перекинут навесной мост, и тропа от него вела к запертым воротам. Мы подошли к ним. Уже темнело. На башнях зажглись огни, а по стенам выставили пылающие факела. Отец Климент постучал тяжелым посохом в запертые ворота, настойчиво и громко. Звук эхом разнесся по лесу, так как стояла такая глухая тишина, что казалось, будто в лесу нет ни одного живого существа, а ветры никогда не достигают этих мест. Прошло некоторое время, и чей-то грубый осипший голос с той стороны спросил: «Кто?» Мы ответили, что от владыки Тиберия к настоятелю, со срочным поручением. Несколько минут с той стороны молчали, а между тем тьма ночи сгущалась, и факелы все ярче освещали пространство около стен. Мы оглянулись на дорогу, по которой пришли, и которая теперь погрузилась в тьму. Нам показалось, что там движутся какие-то смутные фигуры — стало не по себе, и мурашки пробежали по коже. Наконец из-за ворот снова послышался тот же грубый голос: «Читайте Иисусову молитву». Мы прочитали — заскрипел замок, ворота отошли в сторону, предоставив нам узкую щель, ровно такую, чтобы через нее пробраться внутрь по одному.

Наконец вошли. Перед нами стоял огромный, мощный монах в подряснике, и плечи его едва вмещались в него, он был препоясан широким кожаным ремнем, а голову прикрывал остроконечный клобук. В руках монах держал горящий факел, и неровные огненные блики мерцали на его крупном, диковатом лице, покрытом длинной черной бородой. Глаза монаха яростно горели, как будто он пытался прочесть все наши мысли одновременно и вынести по поводу них свое собственное суждение раз и навсегда. Он велел идти за ним, так как настоятель ждал нас.

Мы пошли следом, мимо мрачной деревянной церкви, ветхих избушек и каких-то длинных сараев к деревянному дому в два этажа. Это игуменский корпус, с единственным окном в котором горел свет. Мы поднялись по крутой лестнице. Путь нам освящал свет от факела в руках монаха. Половицы немилосердно скрипели под тяжестью наших шагов, а тени неистово плясали на потолке и стенах. Отец Палладий, так звали игумена, ждал нас в своей келии.

В просторной комнате, игуменских покоев в темном углу стояла неширокая кровать и простой деревянный стол на толстых ножках, за которым сидел пожилой монах, погруженный в чтение какой-то толстой потрепанной книги. Тьму в комнате разгоняла свеча, вставленная в светильник и стоявшая почти рядом с книгой, факел монаха добавил еще больше света, пламя его касалось потолка, оставляя на нем черный след копоти.

На игумене были схимнические одежды, куколь лежал на плечах, густые седые волосы торчали в разные стороны, длинная окладистая борода лежала лопатой на груди, косматые

брови походили на маленькие крылья. Черты лица его были резки и выдавали в нем человека несдержанного, легко впадающего в гнев. Он молча уставился на нас, ожидая, что мы ему скажем. Мы подошли под благословение, которое он нехотя дал нам. Я протянул письмо епископа, игумен тщательно изучил печать, как-то подобрел лицом, во всяком случае, мне так показалось, не вскрывая, отложил конверт в сторону, а затем обратился к монаху:

— Отец Спиридон выдайте этим людям все, что нужно для предстоящей ночи

А затем обратился к нам:

— Рад видеть вас в монастыре святого Пафнутия. Монах Спиридон покажет вам, что нужно делать.

Разговор был окончен, и мы отправились вслед за отцом Спиридоном по той же лестницы, и снова его широкая спина закрывала от нас свет факела. Очутившись на первом этаже, мы вошли в какую-то боковую дверь и здесь остановились в большом зале. Монах поднял факел — тьма частями рассеялась, обнажив огромную кучу разного, по преимуществу холодного оружия. Здесь были ножи, мечи, сабли и шашки, пики и алебарды, дротики, палаши и боевые топоры, булавы и кистеня, по стенам висели щиты, луки, колчаны полные стрел, повсюду валялись мисюрьки, шлемы, железные панцири как чешуя диковинных рыб, лежали груды кольчуг. Отец Спиридон велел нам вооружаться, мы повиновались. Я надел кольчугу, которая спускалась мне почти до колен, препоясался мечом и водрузил на голову шлем, отец Климент облачился в панцирь и выбрал огромный топор, а отец Андрогин взял крепкий палаш и поверх подрясника надел также кольчугу. Вооруженные и готовые к любым неожиданностям, мы вышли из игуменского корпуса. Монах Спиридон одобрительно на нас посмотрел, и лицо его приняло благообразное выражение. Сам он прихватил с собой кривой татарский лук и несколько колчанов, туго набитых стрелами. Мы отправились к стене, где уже ярко пылали факелы и на галереях стояли монахи, пристально вглядывающиеся во тьму, как будто ожидая нападения неведомого врага.

Мы поднялись вместе с монахом Спиридоном на галерею, он указал нам наши места, и мы заняли их. Единственное наставление, которое нам дал отец Спиридон звучало так: «Не проливайте своей крови». Пришлось повиноваться и ни о чем не спрашивать, все принять как данность, ведь с детских лет нас приучили, что послушание выше поста и молитвы.

Вместе со всеми я всматривался во тьму наступившей ночи. Ночь была безлунной. Лишь слабое темно-синее сияние устилало на западе горизонт и в той стороне появилось множество растянувшихся сплошной линией желтых огоньков. Они быстро приближались к нам, и, когда достигли узкой полосы света вдоль монастырской стены, образовавшейся от ярко горевших на стенах факелов, перед нами предстало множество бледных теней, как бы имевших плоть и образ людей, но какая-то мертвенная, не жизненная сила циркулировала внутри них, придавая им вид цельности. Но в ней, в этой цельности, лишь контуры обозначали прежних людей. То, что я принял за огоньки, на самом деле было их глазами, горевшими во тьме лютой, нечеловеческой злобой, такой, что бывает от долгих, бесконечных мучений, бесцельных в своей бесплодности. Впереди всех стояла девушка, белое платье и черные длинные волосы ее развевались на ветру. Она как будто кого-то высматривала среди стоящих на стене защитников монастыря и, когда нашла, подняла правую руку верх, издала какой-то дикий, утробный звук, и вся толпа ринулась вперед. Они подставляли друг другу спины и стали быстро подниматься на стену — навстречу им полетели тучи стрел, камней и дротиков. Попадая в них, они разрушали их призрачную плоть в пыль, но это не останавливало натиска. Уже на вершине самой стены завязалась отчаянная схватка между монахами и призраками, которые ловко орудовали своими руками с длинными и острыми, как лезвия, когтями. Однако, как не стремительны были их движения, монахи оказывались ловчее и пока сдерживали натиск нападающих. Мне также пришлось вступить в схватку: я отрубил пару голов, несколько рук, рядом со мной усердно

трудился отец Климент — его топор опускался направо и налево, а отец Андрогин, как заправский дровосек, орудовал палашом.

Моя рука, с занесенным для удара мечом, остановилась тогда, когда на стену взобралась девушка-предводитель. На одно мгновение я потерял уверенность в себе, наши глаза встретились, и я увидел в ее очах бездонную жуть отчаяния, перетекавшую в меня и сковывающую все мое существо. Мощный удар в правое плечо сокрушил меня, я упал, но меча из рук не выпустил. Девушка-призрак наклонилась надо мной, открылась ее огромная пасть, усеянная мощными клыками, которая готова была сомкнуться на моей шее, но я вонзил ей меч в бок, и она рассыпалась, покрыв меня густой пылью. Тотчас бой прекратился, призраки стали отступать, скрывшись во тьме, породившей их.

Монахи расходились по своим кельям, угрюмо посматривая на меня, никто не сказал ни слова, а брат Спиридон снова велел нам идти за ним, в место, назначенное нам для ночлега. Следующий день начался так, будто в предыдущую ночь ничего не было. Монахи чинно стояли на службе в маленькой деревянной церквушке, насквозь пропахшей сосновой смолой и ладаном. Служба была долгой, тягучей, со множеством земных поклонов и заунывными, растягивающимися на десятки минут песнопениями. Закончилась она к полудню. Вышел из церкви я изрядно уставший, да еще вчерашний бой давал о себе знать — болели все мышцы, разламывалась спина.

Все пошли в трапезную. Она располагалась в длинном бревенчатом доме со множеством маленьких окон, расположенных в два ряда друг над другом. Свет, проникающий сквозь такое количество окон, делал все внутреннее пространство трапезной светлой и веселой. За длинными деревянными столами после продолжительной молитвы расселись монахи. Они ели из деревянных мисок деревянными ложками. Стол просто ломился от разнообразной постной снеди: тут были глиняные блюда, наполненные доверху оливками и финиками, тарелки с дымящейся жареной картошкой, приправленной зеленым луком, петрушкой, горы румяных пирожков, расстегаи, овощные голубцы, разнообразные фрукты: яблоки, груши, гроздья винограда. Посреди этого богатства возвышались высокогорлые кувшины с разными напитками. Я отведал из каждого: в одном был квас, крепкий и ядреный, в другом отличное домашнее пиво, в четвертом прекрасное домашнее вино, в пятом мед. Я ел понемногу и пил все, что стояло на столе. Настроение мое после долгой службы и изнурительной битвы повысилось, мир казался розовым, всех хотелось обнять и любить. И все были веселы за этим столом, я не видел того, что принято обычно за монастырской трапезой, сдавленной тишины, чавканья, сурового постукивания ложек о дно тарелок и чтения, чьим-то слабым, «чахоточным» голосом чего-нибудь из святых отцов или жития святого этого дня. За столом стоял шум и гам, монахи вели оживленные беседы, правда, исключительно на благочестивые темы. Кто-то вспоминал эпизоды из жизни святого Пафнутия, кто-то размышлял о глубинах богословия святителя Василия Великого и об Иисусовой молитве. А кто-то затеял спор по поводу того, что экуменизм является всеересью и необходимо собрать Всеправославный Вселенский собор и предать анафеме всех экуменистов. Этому брату возражало сразу несколько монахов, и спор становился все жарче.

Игумен сидел во главе стола и молча поглядывал на братию. За все время трапезы он не проронил ни слова, лишь попивал из высокого стеклянного бокала густое вино наподобие мальвазии, которое ему постоянно подливал из пузатой бутыли услужливый послушник. Я еще в городе слышал от владыки, что здешний игумен великий постник и действительно теперь в этом убедился: он не притронулся ни к одному блюду, перед ним стояла небольшая тарелка с ломтиками сыра, и за все время он съел лишь несколько кусочков. Итак, вся его еда — вино и сыр. «Игумен не великий постник, он великий пьяница» — невольно подумал я.

Молча ели и мои друзья, монахи-гештальтгерольды: для них обстановка была диковата, они не привыкли к таким нарушениям традиций монашеской трапезы, наверняка осуждали все, что здесь творится, но про себя, никогда бы они не нарушили монашеского этикета и не

высказали вслух слов осуждения. Не притронулись они ни к меду, ни к квасу, ни к пиву, ни к вину, а попросили послушника принести им воды. Наконец игумен позвонил в колокольчик — это значило, что трапеза закончилась. Все мгновенно стихли и встали, хором пропели благодарственную молитву, которая была также длинна, как и перед трапезой, из-за странного тягучего напева, который использовали в здешнем монастыре, такого прежде я нигде не слышал.

После трапезы настал черед послушаний. Мне настоятель благословил наполнять цистерну водой, которую надо было носить из источника, расположенного на берегу речушки Коровец. Все было просто: в землю вставлена изогнутая стальная труба, из которой беспрерывным потоком лила широкой струей студеная вода. Подставляешь ведро, которое наполнялось в считанные минуты, и несешь наверх, к большой цистерне, вливаешь в нее и бежишь обратно за водой. Из цистерны брали воду все монахи для своих нужд, так что послушание мое было важным. К полудню, беспрерывно бегая туда и сюда с ведром воды, я изрядно вспотел и устал, так что сел около непрестанно льющегося потока на склизкий камень, чтобы отдохнуть, да так и уснул под шум этих струящихся вод. Проснулся от странного ощущения, будто кто присутствовал где-то рядом со мной. Я огляделся и увидел тень под сенью плакучих ив. В туманной человеческой неясности я сразу узнал свою ночную соперницу, которая едва не прокусила мне шею своими стальными клыками в ночной битве. Я приблизился к ней и увидел, что как бы она вполне реальна и не так призрачна, как казалось ночью. Она была красива: правильные черты лица сочетались в ней с изящными контурами стройного тела, облаченного в белое платье. Черные волосы свободно ниспадали на плечи. Строгие глаза из-под длинных ресниц смотрели прямо и требовательно, как будто что-то ждали, но, во всяком случае в них не было прежнего, ночного, озлобленного отчаяния. Я невольно, даже нехотя, прикоснулся к ней, ощутив плотное и упругое тело ее, которое как будто откликнулось на мое прикосновение, ожидая долгой вечности его, и подалась всем телом ко мне. Я отступил, чувствуя необычность происходящего, но понимая, что призрак ночи вполне реален сейчас, во свете дня.

— Пить, — попросила она. — Дай мне пить.

Я поспешно зачерпнул ковшиком из ведра, протянул ей студеной воды, но она протестующе замотала головой

— Эта вода мне не поможет, мне нужна та, что течет в твоих жилах. Всего лишь каплю, не больше, чего тебе стоит?

Я невольно отскочил от нее, расплескав содержимое ковшика. Она исчезла. Весь оставшийся день я провел как в лихорадке: носил воду до изнеможения, пытаясь избавится от того видения, что было утром. Всенощная под апостолов Петра и Павла прошла торжественно и чинно — я истово молился, клал земные поклоны так, что ломило спину. Служба закончилась около девяти вечера и, поужинав, мы пошли спать. Заснул я сразу, как будто провалился в черную яму, но едва ли проспал и два часа, как разбудил меня взволнованный отец Андрогин: он уж был в полном вооружении и сообщил, что враг снова готовится к нападению и нужно идти на стены. Я поплелся за ним. Битва была жаркой и длилась всю ночь. Моя дневная посетительница теперь уже целенаправленно выбирала именно меня, я отразил ее натиск несколько раз и, уже изнемогая, под утро смог снова поразить призрака. На этом сражение закончилось.

Потекли томительные дни: службы и битвы, не было ночи, когда бы мы не вставали на стены и не отбивали натиск призраков. Усталость и недосып сделали меня похожим на зомби: я уже с трудом разбирал, где явь, а где сон. Мои друзья-монахи выглядели не лучше, мы редко разговаривали и уже не успевали делиться мнениями.

Призрак девушки днем, с того памятного дня, я больше не видел, но однажды, когда я, по благословению игумена, отправился собирать хворост в ближайшую березовую рощу и, утомившись, присел под березкой на травку, в истоме почувствовал чье-то присутствие рядом. Открыв глаза, увидел девушку-предводительницу призраков, которая стояла в шаге от меня и пристально меня рассматривала. Я в отчаянии спросил ее:

— Что тебе надо!?

Она невозмутимо ответила:

— Уже говорила тебе — хоть каплю крови.

Ощущая ее ясный и такой отчетливый облик, наконец, спросил ее:

— Согласись, ты каждую ночь неистово нападаешь на меня, пытаясь эту кровь добыть силой, и теперь ты приходишь днем и смиренно просишь ее, как это понять?

Она присела рядом со мной, я не отстранился, понимая, что днем она не может причинить вреда.

— Все просто, я не могу тебя одолеть в битве, поэтому прошу днем уступить мне.

— Почему я должен уступить? Все уверены, что, если прольется хоть капля крови, наступит катастрофа

Она посмотрела вдаль, взгляд ее стал задумчив, и она ответила мне:

— Суди сам — все, кого ты видишь, — это самоубийцы, ведьмы, чернокнижники, еретики, атеисты и прочие противники Бога. Участь наша ужасна, мучения нестерпимы. Но один раз в столетие нам дается шанс начать жизнь сначала. Открывается что-то вроде щели, и мы можем выйти. Но на нашем пути стоит этот монастырь. Чтобы одолеть монахов нам нужно обрести плоть и хотя бы одна капля крови оживит наши тела.

— А какова твоя роль? Почему ты во главе всего этого?

— Не знаю. Но в том месте, где мы есть, кто-то первый видит открывшуюся щель, он становится поводырем для остальных. На этот раз таким поводырем стала я.

Мне надо было обдумать все сказанное. Я покинул ее, больше ничего не сказав. Она не пошла за мной, сделав несколько шагов, я оглянулся и увидел, что девушки уже нет. Весь оставшийся день я обдумывал сказанное мне, но ни к каким выводам так и не пришел. Ночью снова была битва, и ночной призрак нападал как никогда яростно, у меня даже мелькнула мысль, что она одолеет, но и на этот раз я вышел победителем. Я проспал утреннюю службу, хотя монахи будили меня очень настойчиво, но слишком навалилась усталость. Проснувшись около полудня, я вдруг четко для себя решил — надо бежать отсюда, пока не поздно. Решение было мгновенным и спонтанным, но оно так мной овладело, что никакие силы не способны были убедить в обратном. Я вдруг подумал, что это единственный выход. Если призрак девушки-поводыря ищет именно меня, может, мой уход станет залогом спокойствия для монастыря и в нем живущих? Собрав свои нехитрые пожитки, заскочил в трапезную взял на кухне краюху хлеба и кусок сыра. Меня никто не заметил: в этот полуденный час монахи дремали в своих кельях. Когда я выходил через ворота, то встретил лишь одного послушника, уныло грядущего куда-то. Он ничего мне не сказал, решив, видимо, что мне дано какое-то послушание от настоятеля, и я спешу его выполнить. За воротами простиралась дорога, та самая, которая привела нас в это место. Нигде я не видел каких-то троп, отходящих от нее и ведущих в лес, нигде ее не пересекала другая дорога и нигде она не сворачивала. Я шел часа три, наслаждаясь прекрасным солнечным днем, природой и пением птиц. Наконец показались какие-то деревянные постройки, я обрадовался и, думая, что это Осинович, ускорил шаг. Но чем ближе я подходил, тем все большие сомнения овладевали мной. Они окончательно рассеялись, когда я увидел, что передо мной все тот же монастырь святого Пафнутия. Это было невероятно! Я шел по дороге от монастыря, которая в конечном итоге привела меня обратно. Решив предпринять еще одну попытку выбраться, я снова отправился в путь, стараясь быть более внимательным, думая, что, может быть, я все же где-то свернул. Но нет — ни одного поворота или перекрестка, только одна единственная, прямая дорога, которая снова привела меня туда, откуда я вышел. Измученный и уставший, я вернулся в монастырь. Солнце уже клонилось к закату, и мне нужно было набраться мужества, чтобы снова преодолеть ночь битвы.

Ночь наступила. Снова, как прежде, всех позвали на стену, и мы ждали приближающихся призраков. Я вглядывался во тьму, сжимая меч в руках. Ноги мои дрожали, по спине текла

холодная струя пота. В эту ночь я чувствовал себя как-то неуверенно и слабо, в мою душу впервые прокрался страх. Как будто чувствуя мою слабость, мои собратья-монахи отец Андрогин и отец Климент подошли почти близко ко мне, прикрывая с двух сторон. И призраки ринулись на нас с силой, которой не было у них раньше, они вновь и вновь взбирались на стены, нескончаемым потоком, а девушка-предводитель нападала на меня столь яростно, что, если бы не отцы-монахи, я бы пал под ее ударами. Теперь мы отбивались от нее втроем. В один момент, когда она, казалось, хотела нанести сокрушительный удар, отец Андрогин выставил вперед свой палаш, но она мгновенно отступила назад, и монах, потеряв равновесие, полетел вниз со стены. Лишь на одно мгновение я оказался лицом к лицу с ней, но хотя успел подставить меч, чтобы отбить ее удар, но острый коготь все же коснулся моей щеки и из раны брызнула кровь, попавшая на призрака. Все мгновенно преобразилось: девушка обрела плоть, силы ее увеличились, она, как щепку, оттолкнула меня в сторону и устремилась к игумену, который сражался на дальнем конце стены. В этот момент под натиском очеловечившихся призраков рухнули ворота. Настоятель, видя, что дела плохи, дал приказ отступать. Монахи, отбиваясь от наседавшего врага, медленно отходили к игуменскому корпусу. Там мы все укрылись, заперев двери на железный засов. Монастырь оказался во власти призраков, обретших плоть.

Мы все собрались на втором этаже. Тем, кому повезло, наблюдали происходящее с балкона. Там, внизу, у самого подножия, скопилось несколько сот призраков, ставших людьми. Казалось, они не знали, что с вновь обретенной плотью делать, настолько это было неожиданно и странно для них. Они беспрестанно метались по площади монастыря, и, кажется, готовились к штурму последнего оплота благочестия и верности идеалам. Я это ясно осознавал, но мне сложно было представить, что будет, если они победят. Мной овладела какая-то апатия: ну победят, и что? Не скатится же мир в тартарары. Хотя мысль эта была зловредной и, видимо, владела только моим умом. Все были как будто в ступоре. Молчали. Сам игумен ничего не говорил, просто смотрел вниз туда, где суетились бывшие призраки. А те не теряли времени даром: слышно было, как они взяли бревно и начали колотить в дверь. Но я наверняка знал, что такие двери не так легко выбить, и, по крайней мере, у нас есть минут 30. Мерные удары нарушали тишину, установившуюся в этой большой комнате. Настоятель приказал почему-то именно мне принести письмо епископа. Я знал, что оно было в кабинете игумена на первом этаже. Осторожно стремясь быть не заметным и не услышанным, я спустился вниз. Повсюду был мрак. Очертания предметов едва различались в густой тьме коридора. Мощные удары тарана в дверь, сотрясали весь корпус, но они пока держались, ибо были сработаны на совесть. Пробравшись в кабинет, я в нерешительности остановился. На огромном столе, заваленном книгами и бумагами, горела одинокая свеча: ее свет обозначал лишь узкое круглое пространство вокруг стола, остальное было во мраке тьмы. Но даже при таком тусклом свете я легко узнал конверт, который мы принесли в монастырь. Он лежал поверх кипы бумаг нераспечатанный. Я протянул к нему руку, но вдруг ощутил прикосновение к своему плечу, обернулся и увидел ее. Лик девушки был прекрасен и мирен, моя рука потянулась к мечу, но она решительно приблизилась ко мне и ее нежные губы припали к моим. Язык ее проник в мой рот, долгий, мучительный поцелуй разлился по нашим телам. Холодные руки сомкнулись на моей шеи, а когда она отняла свои уста от моих губ, то страстно заговорили:

— Я была юной и совсем чистой девушкой. Мне было 18 лет, когда однажды в темном подъезде моего дома, вечером, два грубых мужика зажали меня, задрали юбку и надругались надо мной. Мне было больно и страшно. Потом я не знала, что мне делать, постоянно вспоминала об этом, это сводило меня с ума, и я не захотела больше жить. В чем я виновата? Я ничего не знала: ни любви, ни семейной жизни, ни радости рождения ребенка, только этот ужас. В чем я виновата, обреченная на эти мучения и в жизни, и в смерти?

Ее уста вновь припали к моим губам. Я с силой оттолкнул ее и выхватил меч. Она удивленно уставилась на меня:

— Что ты!? Ты дал мне новую жизнь, так продолжи ее — стань моим супругом!

Это было уж слишком: сначала дай мне кровь, теперь будь моим супругом. Я схватил конверт и устремился наверх. Мне даже в голову не пришло задаться вопросом, а как она здесь оказалась, когда все ее собратья там, за стенами, и пытаются штурмом взять нашу последнюю крепость? Она осталась призраком? Впрочем, думать об этом всерьез было некогда. Сжимая письмо в лихорадочно трясущихся руках, я торопливо, спотыкаясь о выеденные червем деревянные ступени, несся наверх, туда, где меня ждали, жаждущие спасения монахи. Я пришел вовремя, потому что их нетерпение, а точнее безысходный ужас достигло наивысшего предела. Пожалуй, лишь игумен, оставался совершенно спокоен. Он взял из моих рук письмо, неторопливо вскрыл конверт, скрепленной красной сургучовой печатью с вензелем владыки и, развернув сложенный вдвое лист бумаги, начал читать, повернувшись лицом к востоку. Это была всем известная молитва «Да воскреснет Бог и расточатся врази его». Мы наблюдали, что будет дальше. При первых же произнесенных словах молитвы вдруг все стихло внизу. Не было слышно ни криков штурмующих нас призраков, ни ударов тарана в дверь. И когда молитва была прочитана полностью, мы осторожно спустились вниз. Впереди шел игумен. Он решительно открыл дверь в твердой уверенности, что опасность миновала. Так и было: кругом ни души, тишина да догорающие на стенах монастыря факелы. Близился рассвет, и багровые отблески восходящего солнца были видны над горизонтом.

На следующий день мы покинули монастырь и вернулись домой. Прошло время, история эта в суете дней почти забылась. Но однажды летним вечером, когда я стоял на остановке и ожидал своего автобуса, я увидел ее — девушку-призрака. Она стояла чуть в стороне от меня, вполоборота ко мне, так, что я мог видеть лишь часть ее лица. Почувствовав мой взгляд, она обернулась, улыбнулась мне, как старому знакомому. В этот момент подошел автобус, и она села в него. Я лишь, как зачарованный смотрел вслед удаляющемуся автобусу. На следующий день после этого случая меня и моих старых друзей монахов-гештальтгерольдов вызвал к себе владыка Тиберий: он вручил мне пакет и велел отправиться в скит, чтобы отдать этот пакет лично в руки настоятелю.

Скит располагался за Старым кладбищем на окраине города. Туда ходил 13 автобус, именно тот, на котором уехала вчера моя старая знакомая. А еще ходили слухи, что в районах, близких к Старому кладбищу, на одиноких прохожих нападало какое-то существо и высасывало их кровь. Мы снова должны были отправиться выполнять поручение владыки……

Глава II. Чёрная лилия

Одного лишь надо мне бы:
Повстречаться с парeньками,
Чтоб, обняв меня руками,
Притянули бы к земле.
Поиграть бы с ними мне!
Адам Мицкевич «Дзяды»

За два дня до того, как отправиться с моими друзьями монахами- гештальтгерольдами в дорогу, чтобы снова выполнить поручение владыки, я узнал от моей тети Эльвиры, что ее сын, а мой двоюродный брат, Конрад, попал в больницу. Она позвонила мне по телефону вечером, когда я ужинал и захлебываясь слезами, запричитала в трубку:

— Ох, Буревойчик, что творится: мой Конрад в больнице!

Я начал успокаивать ее как мог, но это было бесполезно. Единственное, что удалось мне добиться — узнать в какой больнице и палате лежит Конрад. Но в целом тетя Эльвира осталась безутешной, несмотря на мои уверения, что все разрешится самым лучшим образом. Хотя я в этом и не был внутренне уверен. Когда я положил трубку, мама стояла на пороге столовой и держала в руках кухонное полотенце, она смотрела на меня вопросительно.

— Конрад в больницу попал.

Пояснил я, не вдаваясь в подробности, которых я не знал. Но мама уже попыталась успокоить меня, видимо заметив на мое лице, следы смятения.

— Ты же знаешь тетю Эльвиру, она в любой ситуации паникует. — Успокоила она меня.

— Мда, возможно.

Ответил я в задумчивости и продолжил есть куриную лапшу, столь любовно приготовленную моей мамой. Внутренне я уже решил, что завтра прямо с утра, схожу в больницу проведаю брата.

Утром я тщательно побрил щетину на подбородке и отправился в городскую больницу. Она располагалась совсем недалеко от моего дома, поэтому я за три минуты дошел пешком. Комплекс больницы номер два, состоящей из поликлиники и нескольких пятиэтажных корпусов был построен в 1970-х годах на южной окраине города, в которой когда-то располагалась Инвалидная слобода.

Брат лежал во втором корпусе в хирургическом отделении. Когда я пришел в приемный покой и назвал номер палаты, сестра, которая молча меня выслушала не поднимая головы что-то писала на бланке. Она перебила меня и сказала, что Конрада ночью перевели в реанимационное отделение и сейчас к нему нельзя, он в тяжелом состоянии, проводится курс интенсивной терапии.

Я в растерянности отошел от окошка регистратуры и наткнулся в коридоре на тетю Эльвиру. Ее и так пухлое лицо еще больше распухло от слез. Она с трудом могла вымолвить хоть слово, рыдания не давали ей это сделать. Уткнулась мне в грудь лицом, я стал ее утешать, гладить по голове. Когда почувствовал, что тетя немного успокоилась, спросил ее:

— Что? Как?

— Вчера все было нормально. Ну, в том смысле, что чувствовал неплохо себя Конрадик — ни температуры, ни болей, но врач посоветовал лечь в больницу, обследоваться, подозрение на язву. И вот я сегодня пришла к нему, и еще утром говорила с ним по телефону и мне сказали…

Тетя Эльвира не договорила, снова зашлась слезами. Я решил не допрашивать ее больше, а попытаться все же проникнуть в реанимацию и двинулся по коридору, зная, что отделение

реанимации находится где-то в конце его, можно сказать в тупике. Во второй больнице реанимация не очень большая человека на 3—4, не то, что в областной, там целых три этажа. Но дойти до отделения мне не удалось: оттуда вышел молодой врач в синем врачебном костюме реаниматолога и в такой же шапочке. Он на ходу протирал очки тряпочкой, а позади него маячило две медсестры, все они были чем-то озабочены. Мы буквально столкнулись в коридоре, врач удивленно на меня посмотрел и спросил:

— Вы кто? К пациенту?

Я только кивнул головой и хотел спросить о состоянии Конрада, но врач резко оборвал меня:

— Он умер.

Тетя Эльвира, которая увязалась за мной, вскрикнула и упала в обморок на пол. Пока я ее поднимал и усаживал на скамейку, врач с медсестрами ушли. Я оставил тетю на скамейке, она пришла в себя и остекленевшим взглядом смотрела в потолок. В отделении реанимации, дверь была приоткрыта, и я увидел на первой кровати, опутанным проводами и датчиками, Конрада. Лицо его было белое, как мел, а глаза открыты. Брат был мертв, мертвее некуда. Что я испытал? По правде сказать, ничего. С Конрадом мы последний раз общались, когда ему было 8 лет, а мне 12. Но смерть всегда ставит перед нами вопросы. Вот и сейчас я захотел узнать, что такое случилось, что молодого парня еще вчера вполне здорового, только с подозрением на что-то привезли в больницу, а сегодня уже увозят в морг. Убедившись, что тетя Эльвира также спокойно сидит на скамейке, я подошел к окошку регистратуры и спросил, где можно найти доктора. На этот раз медсестра подняла голову от своих бланков и посмотрела на меня. У нее были усталые глаза, и она кивнула головой на дверь, которая располагалась за моей спиной. Я подошел к этому кабинету, на двери было написано «Смотровой кабинет». Оказавшись в кабинете, я был встречен неприязненным взглядом доктора.

— Что вам нужно? Сюда нельзя посторонним.

— Я хотел узнать о Конраде Соколове.

— Вы родственник?

— Да, я брат.

— У него был сепсис вследствие заражения. Воспаление прогрессировало очень быстро, мы ничего не смогли сделать.

— Сепсис? — В голосе моем прозвучало недоумение. Доктор это заметил.

— Вы знали, что ваш брат был наркоман?

Я отрицательно замотал головой, эта информация стала для меня откровением. Выйдя из «Смотрового кабинета» увидел тетю Эльвиру, которая уже совершенно овладела собой и стояла около двери кабинета в ожидании.

— Буривой, они не отдают мне Конрадика. — Пожаловалась она.

Я обещал тете разобраться, но в тот день мне так и не удалось больше повидать врача и тело Конрада нам выдали только на третий день. Я никак не мог поверить в то, что он наркоман поэтому решил использовать ночь, когда читал псалтирь по усопшему, рядом с гробом брата, чтобы осмотреть его руки.

Гроб стоял посреди самой большой комнаты в квартире Конрада Соколова. Мерцала только одна свеча на аналое, где я читал псалтирь. Она освещала небольшое пространство вокруг меня и отсветы ее падали на лицо Конрада. Он был одет в свой любимый черный костюм, который надевал в самые торжественные случаи. Теперь, пожалуй, и наступил в его жизни самый торжественный случай.

Я дочитал кафизму и умолк. Прислушался. В доме было абсолютно тихо. На лице брата плясали тени от свечи, я подошел к нему, расстегнул рукав рубашки, но удалось обнажить только часть запястья, рукав пиджака собрался в гармошку и не поднимался выше. Я вынул из кармана перочинный нож, который всегда носил с собой и разрезал рукав до локтя. При свете

свечи в тех местах, где проходила вена, обнаружил ряд маленьких точек, будто от шприца. Заправив тщательно рукав на место, так чтобы не видно было разреза случайно задел внутреннюю обивку гроба, часть ее оторвалась. На обнажившейся доске я заметил странный орнамент, он состоял из повторяющегося узора в виде латинской буквы W, центральная часть которого была опущена, и из нее как бы торчала стрела, также заострены были и боковые стороны буквы. Я постарался заправить тщательно обшивку, но все это было чрезвычайно странно и подозрительно. Зачем было наносить такую необычную маркировку на гробовые доски непонятно. Но, конечно, больше меня смутили эти странные точки на руке Конрада. Я был в замешательстве.

На другой день состоялись похороны брата. На кладбище я наблюдал, как опускают гроб в могилу и снова думал о том, как мало общались мы с братом уже в пору, когда он был взрослый. Но все же мне сложно было поверить, что брат был наркоманом. На поминках, я решился спросить тетю Эльвиру:

— Тетя, ты ничего необычного за Конрадом последнее время, перед тем как он попал в больницу, не замечала? — Попытался я аккуратно сформулировать свой вопрос.

Она рассеяно и грустно посмотрела на меня, было видно, что тётя не сразу поняла, о чем я ее спрашиваю, но потом до нее дошло, что я спросил и она ответила:

— Нет. Все нормально было. Он не на что не жаловался.

Я вынужден был спросить напрямую.

— Он не употреблял наркотики?

Тетя Эльвира посмотрела на меня с возмущением и упреком.

— Нет, что ты!

Она на какое-то время задумалась, потом, будто что-то вспомнив, сказала:

— А ты знаешь последнее время к нему на дом приходила какая-то медсестра.

— Зачем?

— Он же футбол любил, если помнишь. Играл в любительской команде и как-то в одной из игр сильно потянул связки. У него болела нога, ночью он не мог уснуть, и врач прописал ему обезболивающее средство. Вот он с какой-то медсестрой договорился, и она к нему по вечерам в течение недели приходила, делала укол.

Тетя Эльвира опять заплакала, и я решил больше у нее ничего не спрашивать. Поминки прошли, я остался переночевать у тети. Ночью долго не мог заснуть, все ворочался с боку на бок и думал об обстоятельствах смерти брата: кто эта медсестра? Как ее найти? Что это за странные знаки на гробовых досках? Зачем они? На все эти вопросы я ответить не мог. И даже не знал, за что зацепиться. Засыпая решил завтра сходить в похоронное бюро, узнать хотя бы о маркировке.

Утром я расспросил тетю о том, кто занимался организацией похорон. Тетя немного пришла в себя, как казалось, во всяком случае, она не плакала, но по-прежнему, что называется, притормаживала. Вот и теперь не сразу поняла о чем я ее спрашиваю, а когда до нее дошел смысл моего вопроса ответила:

— А, это Таня всем распоряжалась. Она договаривалась с «Чёрной лилией», это похоронное бюро. Они все и делали

— Какая Таня? — Не понял я.

— Ну, медсестра. Я же тебе говорила, которая Конраду уколы делала.

Я был немало удивлен такой заботливости этой неизвестной мне девушки и попытался узнать у тети как ее можно найти. Она растерялась и сообщила мне, что не знает этого. Таня приходила в определенное время, делал укол, немного сидела, иногда соглашалась попить чай.

— А в какой она больнице работала, ты хоть знаешь?

— Да, я ее спрашивала об этом. Она говорила, что работает в какой-то частной клинике. Позабыла вот название ее.

Больше от тети Эльвиры мне добиться ничего не удалось. Но город у нас не такой большой, и в нем всего две частные медицинские клиники «Автомобилист» и «Надежда», а похоронное бюро и вообще одно. Я уточнил в городском справочнике бюро под названием «Чёрная лилия» располагалось на окраине города и почему-то совершенно в другой стороне от городского кладбища, довольно далеко. Хотя такое бывает, наверное, не обязательно все устраивать на кладбище или рядом с ним. Но когда я приехал в «Черную лилию» на следующий день ранним утром (привык вставать рано) я понял, что ошибался и осознал, как плохо знаю историю собственного города. Похоронное бюро располагалось именно рядом с кладбищем. Это стало ясно, когда автобус 11 маршрута, курсирующий от остановки, расположенной около моего дома на Белый Бак (так назывался район, где находилось похоронное бюро) остановился на своей конечной остановке, которая так и называлась — Петропавловское кладбище.

Выйдя из автобуса, я огляделся: прямо передо мной находилась старая автобусная остановка, еще советских времен, выкрашенная в несколько слоев синей краской, по этим слоям можно было считать возраст остановки, как по кольцам на пне возраст дерева. За постройкой виднелась невысокая каменная кладбищенская ограда и густой сосновый лес, он высился над всей территорией погоста, покрывая его во всякое время года густой тенью. За оградой мне были не видны могильные памятники и кресты.

Глянув на юг, вдали увидел три девятиэтажки. Их от кладбища отделяло поле, заросшее сорной травой. Таким образом, погост вместе с бюро находились в некотором удалении от основной части города, хотя мимо и проходила трасса, соединяющая наш город с Москвой. Я увидел, что вход на кладбище был открыт. Он располагался метрах в пятидесяти от похоронного бюро, и я как человек церковный, решил сначала посетить могилки тех, кто давно окончил свою жизнь.

Ворота на кладбище выглядели довольно основательно, они имели каменную арку, покоящуюся на двух мощных столбах, сложенных из природного камня. Сразу за воротами начиналась широкая аллея, с правой стороны от нее находился домик смотрителя, сарайчик с инвентарем и куча песка, видно для того, чтобы подсыпать на могильные холмики. Я пошел по аллеи, отмечая про себя, как все ухожено и аккуратно: мусора нигде нет, оградки все покрашены, трава скошена. Но сразу же бросилось в глаза, что нигде над могилами не было крестов. Вместо них небольшие плоские бетонные плиты, которые были вкопаны вертикально в землю. Подойдя к одной такой могиле, я прочитал на плите имя погребенного под ней: «Суховеркова Августина Романовна: 1837 — 1907 гг.». Мне показалось, что фамилия какая-то знакомая. Углубившись по тропинке, я обнаружил еще несколько могилок с захоронениями людей по фамилии Суховерковы. Расположены они были в одной части кладбища, и было очевидно, что все эти люди родственники. И тут я вспомнил, почему эта фамилия мне известна: Суховерковы род колдунов и ведьм, в котором профессиональные навыки передавались из поколения в поколения. И вот, похоже, многие из них лежат на этом заброшенном кладбище.

Я покинул участок Суховерковых и снова вышел на центральную аллею. Вскоре моему взору предстала роскошная гробница из серого мрамора, расположена с левой стороны от аллеи. Я подошел ближе и прочитал надпись на камне: «Протоиерей Лука Ковров: 1873 — 1927 гг.». О нем я знал из истории нашей епархии, он был главой раскольников в 1920-х годах. Труп его нашли в 1927 г. в кафедральном соборе, завернутым в ковер. До сих пор это убийство не раскрыто. У него также на могиле не было креста, только памятник. Но могила хорошо ухожена: горела лампада и в вазе стояли свежие цветы. Ходили слухи при его жизни, что он был секретным осведомителем ГПУ и регулярно докладывал о своих собратьях, многие из которых были арестованы по его доносам и расстреляны. То, что его могила так хорошо ухожена, меня не удивило, так как я знал, что еще жива его правнучка. После его смерти жену и дочку гпушники переправили в Ленинград, где они получили хорошую квартиру и содержание.

Я прошел дальше по аллеи до самого конца кладбища и обнаружил там с правой стороны участок со стандартными могильными плитами, на которых была выбита звезда Давида, но по надписям было понятно, что под плитами лежат не евреи, а вполне русские люди: Ивановы, Петровы и прочее. «Да это же субботники!» — догадался я, вспомнив, что была когда-то в наших местах такая экзотическая секта русских людей, которые хотели ощущать себя евреями. Получалось так, что на этом кладбище хоронили каких-то изгоев общества, тех, кого нельзя было предать освященной земле. Я вернулся на центральную аллею и направился к зданию похоронного бюро.

Здание располагалось практически вплотную к ограде кладбища. Точнее основной корпус его, вытянутое каменное сооружение было частью ограды. Во дворе бюро лежали каменные плиты-заготовки разного размера, а также готовые памятники, но еще без надписей. Вход в здание был оформлен как в супермаркете: застекленные двери, которые открывались автоматически. Довольно забавное ноу хау. Над входом красовалась облупившаяся надпись «Чёрная лилия». Во дворе возился работник бюро долговязый, мрачный мужик в серой робе. Он насыпал песок в тележку. Я спросил его:

— Любезный, как директора найти?

Рабочий прекратил насыпать песок, услышав мой вопрос. Какое-то время, опираясь на лопату, рассматривал меня, потом кивнул головой на вход в бюро и сказал:

— Там, наверное.

Я поблагодарил и направился к входу, но дверь почему-то автоматически не открылась.

— Кнопку нажми с правой стороны. — Крикнул мне рабочий.

Действительно — квадратная красная кнопка была именно в этом месте, я нажал ее, и дверь открылась. На меня повеяло прохладой, и я сразу оказался в большом, хорошо освященном зале, заставленном гробами разного вида и размера, а также крестами и памятниками. Здесь лежали аккуратные кучи венков, охапки искусственных цветов, на столах стопки венчиков и разрешительных молитв. Все эти ритуальные принадлежности буквально заполонили все здание, оставляя только неширокий проход и площадку прямо перед входом. В помещении было тихо, и я не видел никого, к кому можно было бы обратиться. Перемещаясь по проходу и осматривая гробы, обратил внимание, что в некоторые из них, внутри, на еще не задрапированных обивкой досках имелись такие же знаки, как в гробу моего брата. Я наклонился над одним из гробов и ногтем потер черный знак, он легко стирался. Потер еще несколько знаков, размазав сине-фиолетовую краску по доске гроба.

— Плесень. — Вдруг услышал я скрипучий голос позади и, повернувшись, увидел высокого, худого человека лет сорока. Он был как-то странновато одет: узкие черные брюки, белая рубашка, какой-то долгополый черный сюртук и ботинки с квадратными носами.

— Не знаем, как уж бороться с ней.

— Плесень такую странную форму принимает? — Недоумевал я.

— Кристаллическая структура, наверное. — Настаивал на своем хмурый незнакомец. — Вас что интересует: гроб, памятник, венки, оградка. Мы все ритуальные услуги оказываем, в том числе косметика, бальзамирование. Единственная услуга, которую мы не оказываем — кремирование.

— Почему?

— Печей у нас нет, но если что можем со смежниками договориться.

— Какими смежниками?

— Мефодиевские коммунальные системы — у них есть кочегарки.

Мне показалось, что разговор стал заходить в какую не ту сторону, и я спросил, наконец:

— С кем имею честь общаться?

— Я руководитель этого предприятия, Эрик Котов.

Он не стал спрашивать, кто я, однако, наверное, для хозяина такого заведения это было и не важно. Я невольно посмотрел на потолок и там тоже увидел такие же знаки, как на гробовых досках. Котов проследил за моим взглядом и печально кивнул головой, как бы подтверждая, что плесень даже на потолке появилась.

— Эрик, вчера ваша контора участвовала в организации похорон Конрада Соколова. Я его двоюродный брат, хотел узнать, кто вам заказывал организацию похорон?

Котов еще больше нахмурился, на его широком лбу появились морщинки, как и в уголках глаз. Он жестом предложил мне пройти по дорожке к столу, который был установлен в другом конце зала. Открыл ящик стола и вынул довольно толстую тетрадь, раскрыв ее на середине, быстро провел пальцем по странице и сказал:

— Да, вот, Татьяна Тобольцева заказывала, все оплатила наличными и даже заказала уход за могилой в течение года, мы и такую услугу оказываем по желанию клиента.

— Адрес указан?

— Нет. У нее не было регистрации в паспорте.

Это конечно непорядок, но не о чем не говорит: мало ли почему не регистрировалась, может она вообще не местная, но тогда все-равно должна быть какая-то регистрация. Котов молча выжидал, что я скажу. Мы вышли из здания бюро. Во дворе по-прежнему возился рабочий, методично насыпая песок в тележку и отвозя ее куда-то вглубь кладбища. Мы остановились на пороге, и нам открылся великолепный вид на кладбище.

— Прекрасный вид. — Заметил Эрик

— Думаете? А почему нет ни одного креста на могилках?

— Как? Вы не знаете? Здесь же изгои захоронены: колдуны, ведьмы, самоубийцы, опившиеся пьяницы ну и прочие, кого ваша церковь не разрешает хоронить на освященной земле.

Я примерно так и догадывался, слух невольно резануло вот это котовское «вашей церкви», но я не стал ничего уточнять. Спросил только:

— А описать Тобольцеву можете?

Котов задумался на мгновение.

— Невысокого роста, стройная, пышные черные волосы, красивая вообщем, такая жгучая брюнетка.

Эрик мечтательно закатил глаза. Я усмехнулся, реакция Котова была забавна. Поинтересовался, хоронят ли здесь теперь, но Котов меня заверил, что уже больше десяти лет новых захоронений нет. Иногда приходят родственники, если у кого они еще остались, а за погостом полностью присматривает «Чёрная лилия». Я попрощался с директором бюро и направился к выходу, но когда поравнялся с воротами, спрятался за колонной, на которой держалась арка, мне стало интересно, куда работник в таком количестве возит песок. Ждать пришлось недолго: рабочий в серой робе вскоре появился на центральной аллее. Прячась в тени деревьев я, в некотором отдалении, последовал за ним, рабочий свернул в конце погоста налево и там по узкой тропинке, вдоль ограды достиг угла кладбища, где была довольно внушительная воронкообразная яма. Я дождался, когда рабочий высыпал песок и ушел, затем осторожно подошел к яме и заглянул внутрь. Яма была похожа на провал в земле, образовавшийся на месте обрушения склепа. Были видны остатки каменно кладки, сводов и истлевшего гроба, который уже на половину был засыпан песком. Почему обвалился склеп, сказать сложно, но я заметил какие-то странные подтеки по краям ямы, однако изучить причину таких подтеков мне не удалось, я услышал далекий звук тарахтения тележки с песком и решил уйти вдоль ограды к выходу с кладбища, чтобы не попадаться на глаза работнику бюро.

Я благополучно добрался до автобусной остановки и застал здесь единственного человека, как и я ожидающего автобуса. Усевшись на скамейку под навес, не сразу обратил внимание на этого человека, но потом мое внимание привлек запах табака от сигареты, которую он закурил. Такое ощущение, что к обычному табаку была примешена какая-то трава, что-

то вроде пижмы, запах мне ее был знаком по детству, когда мы с товарищами сжигали целые охапки этого растения, которое считалось в нашей церкви травой стопоканов, существ, которые образуются в околомогильной слизи. Я присмотрелся к человеку: лет пятидесяти, лицо сильно заросло бородой, даже глаз не видно — волосы густо покрывали щеки, спускались на шею и даже торчали из ушей, при этом он был плешивый, а лысина в обрамлении пепельно-серых волос, которые свисали с черепа какими-то клочьями. Он был одет в коричневый, поношенный костюм, какого-то допотопного кроя. Такие костюмы носили годах в 1950-х. Мужик действительно курил какую-то вонючую самокрутку, заметив мое внимание к нему сказал:

— Хороший табак.

И продолжил курить. Тут подошел автобус, мы зашли внутрь и поехали в город. Я не обратил внимания, на какой остановке вышел странный человек, так как спешил на работу в епархиальное управление. Но образ этого мужичка запомнил.

Здание епархиального управления располагалось в самом центре города Мефодиев. На берегу небольшой речушки Пурсовка. По традиции нашей церкви современное трехэтажное здание управления было обнесено высокой крепостной стеной с башенками и галерейными переходами. На проходной высилось два флагштока с флагами: архиепископское голубое полотнище с лежащим на левом боку латинским крестом и флагом города два золотых чибиса на зеленом полотнище. Над входом в епархиальное управление золотыми буквами на латыни надпись: «Ecclesia orthodoxa Angusto Modo» или в переводе «Православная церковь узкого пути» или просто как нас в народе называли «модо», Церковь модо. Официальный богослужебный язык наш латынь.

Да, пора о нас уже сказать немного подробнее. Модо вера наших предков, которые поселились на берегах Пурсовки и основали город Мефодиев. Нас считают еретиками, но это, конечно не так. Просто мы строго придерживаемся апофатического богословия и поэтому мы верим в то, что Бога нет, в том смысле, что мы ничего не знаем о Его Бытие. Мы признаем Иисуса Христа нерожденным Несыном. Что Богородица неродила Несына, что Она Мать нерожденного Несына. Мы верим в духов плоти и что плоть подвластна синтагме. Мы признаем все виды скорби, так как они ведут к спасению.

На вахте дежурил сегодня Степаныч. Из-за бронированного стекла его суровое лицо с длинными как у казака усами, выглядело излишне унылым, применительно к этому прекрасному солнечному утру. Странно, но после посещения кладбища изгоев и бюро «Чёрная лилия» настроение у меня было приподнятое.

Охранник вышел из-за своей стеклянной перегородки, увидев меня, как будто еще раз хотел продемонстрировать свою новую фиолетовую форму с красивыми голубыми шевронами с упавшими черными крестами на обоих рукавах и надписью на спине «ЕОАМ». Но это, конечно, было не так, он всего лишь проверил металлодетектором мою одежду. Я не сопротивлялся, расставив руки и как всегда виновато улыбнулся, когда детектор отчаянно запищал.

— Степаныч, ну что ты как маленький, чего-то иного ждал?

Выходя из дома, под куртку я всегда надевал плотную кольчугу, а в чехле под мышкой был подвешен массивный нож-косарь. Степаныч еще больше помрачнел и махнул рукой, мол, иди своей дорогой.

Обширный двор управления всегда был наполнен людьми. С правой стороны от входа между голубыми елями по травке прохаживали важные куры, которым комендантша насыпала зерна, и они его выклевывали. Слева около крепостной стены отроки из владычнего полка в широких шароварах и с обнаженными торсами упражнялись в метании короткого копья. Прямо у входа сидели на лавочках посетители, ожидающие приема у епископа. Я мельком поглядел на них, отметив красивую девушку со скорбным лицом и в черном ажурном платке.

Холл управления был обширный: пол и стены обложены плиткой из натурального камня, повсюду стояли горшки с фикусами разного вида. Из холла лестница вела на второй этаж,

где располагались приемная епископа, актовый зал, кабинеты референтов, делопроизводителя и личного секретаря владыки, а также каминная для приема гостей. Кабинеты сотрудников управления располагались в правом крыле здания. Глубокая и обширная подвальная часть здания занята под склад, помещения технических служб, оружейную и молитвенную комнату. Я знал, что владыка меня уже ждет, но прямо около лестницы на второй этаж меня перехватил отец Климент и попросил ему помочь совершить молитву плоти. В этом случае нельзя было отказывать. Мы спустились в молитвенную комнату, где посреди квадратного помещения были устроены стасидии, специальные кресла без сидушек только с подлокотниками. Климент расстегнул верхнюю часть своего розового подрясника, обнажив спину, и устроился на коленях в стасидии, опираясь локтями на подлокотники. Я посмотрел на худые плечи отца Климента, на шрамы, оставшиеся от прежних молитв плоти. Спросил:

— На мое усмотрение?

Отец Климент молча кивнул головой и закрыл глаза. Я подошел к столу, стоявшем у стены. На нем были разложены несколько видов плетей, палки, прутья, в кадке замочены березовые розги, немного подумав, взял розги. От первых ударов по спине появились красные разводы. Монах, с каждым ударом сжав зубы только слегка постанывал. Когда появилась кровь, я закончил молитву, промазал раны гексахлораном и заклеил пластырем. Отец Климент поблагодарил меня за помощь, объяснил, что сегодня испытывал какое-то особое духовное смятение и решил прибегнуть к молитве плоти. Мне показалось, что он оправдывается, это было немного странно, но я ничего не спросил у монаха по этому поводу. Каждый разошелся по своим делам. Я поднялся на второй этаж и оказался в темном коридоре. Кабинет владыки прикрывали большие темно-коричневые дубовые двери. Постучавшись и, не дожидаясь ответа, вошел в приемную. Из двух окон, расположенных прямо напротив входных дверей лился яркий дневной свет, посреди приемный стоял огромный дубовый стол, обитый зеленым сукном, в кресле за моноблоком сидела секретарша владыки Ляля. Она плакала, всхлипывая и утирая глаза платком, размазывая туш по лицу. Я поприветствовал Лялю и спросил у себя ли владыка, она ответила:

— Да, он ждет тебя.

Я показал пальцам на растекшуюся по лицу секретарши тушь, она замотала головой и опять заплакала. Мне стало понятна причина слез Ляли — епископ не любил, когда женский персонал использовал косметику. Видимо на этот раз он Лялю жестко отчитал, а она очень ранимая, может заплакать просто на пустом месте, тем более, что перед владыкой трепещет.

Епископ Мефодиевский Тиберий имел статус викария Лакинской епархии, хотя на самом деле был совершенно самостоятелен, и вся его духовная связь с Патриархом и Лакинским митрополитом заключалась только в том, что он поминал их за богослужением. Я вошел в кабинет. Это была просторная комната, в которой с левой стороны располагался ряд больших окон и небольшой балкончик. С него владыка обращался к пастве, когда читал послания. С правой стороны во всю стену стоял застекленный книжный шкаф, в самом конце комнаты большой стол такого же типа, как и в помещении секретарши. Поверхность стола была обтянута зеленым бархатом, на столе стоял моноблок, но гораздо больших размеров, чему у секретарши.

Епископ Тиберий стоял у окна и смотрел, сложив руки за спиной, на красивый вид, открывающийся из окна второго этажа: долина извивающейся речушки Пурсовки, поросшей кустарником и уходящей далеко за горизонт, заливные луга, поросшие душистой травой. Услышав звук открывающейся двери, епископ обернулся. Радостно улыбнулся, благословил и предложил присесть за стол заседаний, сам занял свое место в кресле. Епископ был одет сегодня в зеленый подрясник. Его красивые рыжеватые волосы были тщательно зачесаны назад и заплетены в косичку. Острая бородка торчала клинышком, карие глаза из-под густых бровей внимательно смотрели на меня.

— Мне сказали, что ты выпустил синтагму?

Это неприятно было услышать, я спросил:

— Отец Климент уже доложил?

Владыка тяжело вздохнул, достал из стола тонкую сигаретку, закурил — приятно запахло мятой. Он затянулся, выпустил тонкую струйку дыма, явно наслаждаясь сигаретой после долгого воздержания.

— Видишь ли, Буревой, не так важно, кто мне об этом рассказал, важно то, понимаешь ли ты всю ответственность сделанного тобой дела?

Я еще раз прокрутил в голове все события прошлой экспедиции в монастырь Св. Пафнутия, обстоятельства встречи с девушкой и проанализировал свои мотивы, почему я ее отпустил, уж точно не из страха, но почему? Как будто слыша мои мысли, епископ рассуждал вслух.

— Твои мотивы, наверное, можно понять, но в любом случае синтагма на свободе и с этим надо что-то делать. С материей, как тебе известно, шутки плохи. Я вот частенько спрашиваю себя: почему именно мы оказались в этих местах, почему на нас возложена эта миссия. Ведь без благодати так сложно жить. Почему Бог закрылся именно от нашего кусочка земли, а?

Я пожал плечами, промолчал на это, в вопросы богословия я старался не вникать. Владыка между тем, не докурив сигаретку, затушил ее в пепельнице и достал из стола деревянную трубку и кисет. Видимо решил закурить что-то покрепче — это всегда свидетельствовало о том, что епископ нервничает. Закурив трубку, епископ Тиберий посмотрел на меня строго и жестко потребовал.

— Найди ее, Буривой, в короткий срок. Иначе этим займется Захар, а ты знаешь, чем это чревато.

Я понял, что разговор окончен и вышел из кабинета. Ляля уже не плакала, а что-то деловито набирала на компьютере. Выйдя из приемной, спустился на первый этаж, и некоторое время стоял в холе, раздумывая над словами владыки и о синтагме и о Захаре. Упоминание последнего говорило о том, что в митрополии уже знают о происшествии в Пафнутьевском монастыре. Захар Зацепин занимал в митрополии должность ведущего миссионера, и в его ведении находилась и работа с нами «еретиками». Он периодически навещал нашу епархию, читал лекции, беседовал с прихожанами и отдельными священниками. Препятствовать мы ему не могли, а человек он был довольно неприятный и в общении и в целом. У меня в разное время было с ним несколько столкновений. И я знал, что он поставил перед собой цель уничтожить Церковь модо. Для него это стало, что называется навязчивой идеей — столько столетий модо не удавалось уничтожить, даже великий святой Пафнутий принял, в конце концов, ее существование, как данность, а он Захар Зацепин сможет победить, как ему казалось. Это очень тешило его самолюбие.

Все эти мысли о Захаре пролетели в моей голове мгновенно и тут же отошли на второй план. Важнее было разобраться с синтагмой. Я не очень верил, что та девушка, которую я выпустил, стала чудовищем, но доказать ничего не мог. И версий на этот счет у меня никаких не было. Но по прежнему был убежден, что надо выяснить, что же это за девушка Таня, которая помогала моему брату в последние недели его жизни. Может, она как-то связана с синтагмой?

Прежде чем идти проверять клиники, в которых могла работать Таня, я зашел к себе в кабинет. Нужно было попить чай с какими-нибудь печенюшками, все же из дома я вышел давно, успел перехватить только пару глотков кофе. Рабочий кабинет я делил вместе с отцом Климентом, собственно мы с ним и были миссионерским отделом Мефодиевской епархии. Когда я зашел, монах сидел за своим столом, углубившись в чтение катенов. Даже мое появление не заставило его выйти из молитвенного ступора. Не стал его отвлекать, а налил из бутылки в электрический чайник очищенную воду и нажал кнопку на крышке. Отец Климент вышел из молитвенного состояния и обратил внимание на меня в тот момент, когда я наливал кипяток себе в кружку. Заварив чай, я сел на свое место, за стол, который был расположен напротив стола монаха, и погрузился в церемонию вкушения чая с шоколадным печеньем, с вызовом

поглядывая на монаха. Тот сидел, устремив свой взгляд в монитор, делая вид, что ничего особенного не происходит.

— Заложил меня? — Наконец не выдержал я.

Отец Климент поднял на меня свои голубые невинные глаза.

— Я только выполнил свой долг. Ты сам должен был все доложить владыке.

— Но ведь это только все твои предположения! — Взвился я.

— Возможно. Но порядок есть порядок.

Отец Климент опять углубился в чтение какого-то текста на мониторе компьютера.

— На старом кладбище сегодня был. Я и не знал, что там изгоев хоронили. — Вдруг сообщил я.

— И чего тебя туда понесло?

Кратко описал отцу Клименту мое утреннее путешествие, упомянул и о «Чёрной лилии» и о яме со странными разводами, которую засыпал песком работник. Последняя информация крайне заинтересовала монаха. Он даже отвлекся от чтения и в беспокойстве встал со своего места, стал ходить взад-вперед по кабинету.

— Это может быть признаками стопоканов и косвенно свидетельствовать о деятельности синтагмы. — Заявил он.

— Да ну. Никогда синтагма не имела никакого отношения к стопоканам.

Климент остановился около окна, тяжело вздохнул.

— Эх, нет сейчас святых. Не рождает наша церковь их.

К чему это сказал отец Климент, я не понял, но его вечные сетования на то, что сейчас не как раньше иногда меня выводили из себя. Я допил чай и, сказав монаху, что мне надо проверить пару медицинских клиник вышел из епархии. Покидая двор, обратил внимание на то, что кошки, которые бродили по двору, находились в чрезвычайно возбужденном состоянии: они истошно мяукали и бегали друг за другом. Несколько растерявшись, я остановился посреди двора. И было неожиданным, когда кто-то подошел ко мне сзади и легко коснулся плеча, а потом зазвучал нежный ласковый голос:

— Что-то их беспокоит, связанное с пробуждением.

Я обернулся и увидел, что это была та самая красивая девушка, которую я видел, когда входил в управление. Скорбный черный наряд никак не вязался с каким-то радостным выражением ее продолговатого румяного лица.

— Пробуждением? — Не понял я.

— Они чувствуют нямий. Их для этого тут и держат в таком количестве.

Я усмехнулся, потому что не особо верил в эти бабские сказки про нямий. Якобы после смерти кошек остаются их призраки, они могут напасть на человека, покарябать своими материализовавшимися коготками. Живые кошки чувствовали своих сородичей и реагировали на них необычным возбуждением, будто валерьянки напились. Я продолжил свой путь к выходу, а девушка пошла за мной, на мое недоумение по поводу того, чего она за мной идет, пояснила:

— Я закончила свои дела в епархии.

— Что-то срочное?

— Брат у меня умер, написала прошение на заочное отпевание.

Мы уже вышли за ворота епархии и шли по пыльной центральной улице Мефодиева.

— Он самоубийца? — Уточнил я, но она не сразу ответила, будто обдумывала или вспоминала.

— Нет, я так не считаю, поэтому и пришла в епархию. Брат находился в глубочайшей депрессии, жил в монастыре в Рязанской епархии. Приехал домой на побывку и случилось с ним такое несчастье, я думаю, это приступ был помешательства и его нельзя назвать самоубийцей.

Мы остановились у здания клиники «Надежда», мне надо было туда зайти, а я никак не мог избавиться от этой девушки, которая почему-то шла за мной от самой епархии и тут, я понял, что она от меня хотела — чтобы я походатайствовал перед владыкой о ее брате.

— Вас как зовут?

— Герта.

— Вот что, Герта, я поговорю о вашем брате с владыкой, а сейчас мне надо идти.

Она была счастлива и от всего сердца улыбалась, пожимая мне руку. Я обратил внимание на то, как холодны ее руки. Но это было мимолетное ощущение, как и само прикосновение, мало ли почему у людей руки холодные.

Клиника «Надежда» располагалась на цокольном этаже недавно построенного многоэтажного дома. Я вошел в коридор. Строгая гардеробщица дала мне бахилы, и велела одеть их, после чего пропустила внутрь. В регистратуре толпился народ. Медсестры-регистраторши внимательно выслушивали посетителей, что-то смотрели в мониторе компьютеров. Я был в некотором раздумии: с чего начать и кого спросить, если я просто знал только имя. Присев на мягкий диван, стоявший у стены, я стал думать над дальнейшими своими действиями. К стойке регистратуры подошел молодой человек лет тридцати. Одет он был в бежевого цвета ветровку и в тон ей брюки. Его черные короткие волосы тщательно зачесаны назад и, кажется, покрыты каким-то веществом наподобие бриолина. Он обратился к медсестре, показал ей удостоверение и я даже слышал обрывки фразы, что-то типа «лейтенант полиции», он показывал медсестре фото, и прозвучало имя Таня. Меня это крайне заинтересовало. Когда он закончил разговор с медсестрой я вышел из клиники следом за ним и какое-то время шел позади на некотором отдалении, пока он меня не заметил. Лейтенант остановился, подождал пока я подойду к нему.

— Вы что-то хотели спросить? — Его лицо выражало само внимание.

— Я слышал, вы девушку ищете по имени Таня?

— И что? Почему вас это так интересует?

— Она делала уколы моему двоюродному брату, незадолго перед его смертью. Хотел расспросить ее о последних днях жизни моего брата.

Рядом был сквер, незнакомец предложил мне пройти туда и поговорить. Мы присели в тени вяза на лавочке. Я представился, незнакомец тоже назвал себя — лейтенант полиции Позвизд Покатов. Выяснилось, что он расследует дело о смерти нескольких молодых людей, которые за последние две недели внезапно заболели, потом у них начинался сепсис и все заканчивалось смертью. И вот незадолго до кончины всем им, так или иначе, помогала медсестра по имени Таня.

— Я видел, что вы показывали медсестре в клинике фото.

— Да ладно, Буривой, давай уж на ты, я, кстати, наслышан о тебе. — Неожиданно признался лейтенант.

Я был удивлен таким заявлением, так как совершенно не ожидал, что в городе обо мне распространяется такая широкая слава.

— Да?

— Ну как же, миссионерский отдел сродни Следственному комитету. Ваши с монахами «рейды» по старым монастырям и тамошние подвиги известны, что называется широкой общественности.

— Не знал. Так что с фото?

— А, фото. Она сфотографировалась с одним из парней, которому помогала перед его кончиной.

Он вынул из кармана куртки фото и показал мне. Я сразу узнал девушку, запечатленную на нем.

— Я ее знаю. Она сегодня приходила в епархиальное управление. Назвалась Гертой. Просила разрешить заочное отпевание ее брата.

— Что с ним не так?

— Самоубийца.

Позвизд покачал головой, как бы сочувствуя Герте.

— Дело доказанное?

— Разбираться надо.

Покатов задумался на мгновение, что-то прикидывая в уме или просто думая о чем-то своем.

— А где она живет?

— Могу узнать в канцелярии.

— Сделай одолжение. Конечно, все это ни о чем нам не говорит: ухаживала она за юношами, ну и что. Это не преступление. Кстати, а помимо, того что ты хочешь поговорить с этой Таней о последних днях жизни твоего брата, может есть и еще что-то?

Вопрос меня немного смутил, и мне кажется, это как-то отразилось на выражении моего лица. Проницательный Покатов это заметил, ели заметно усмехнулся.

— Мне доктор из реанимации сказал, что брат был наркоманом и причиной сепсиса скорее всего стала грязная игла, которую он ввел себе в вену. И потом, я осматривал его руки, действительно есть пятнышки от уколов. Но этого не может быть, брат не был наркоманом. — Сказал я.

— Ты, наверное, мало с ним общался, мог и не знать.

— Это так, но я все же уверен в том, что брат не был наркоманом.

Снова последовала пауза, Позвизд обдумывал полученную от меня информацию или решал, стоит ли меня во что-то посвящать.

— Представь себе, те юноши, по которым я веду проверку тоже, по утверждению врачей были наркоманами. — Наконец сказал он.

Про чёрную лилию я ему не стал рассказывать, так как пока ничего толком сказать и не мог, а просто мои домыслы и догадки вываливать не хотел. На этом мы расстались, я пообещал в епархии узнать адрес Герты. Мы договорились, что завтра вместе к ней наведаемся.

По дороге в управление размышлял о том, что услышал от Позвизда насчёт нашего миссионерского отдела. Да, он прав: владыка порой нам поручал разные экзотические задания, типа того, которое мы выполняли в монастыре св. Пафнутия. Иногда мы проводили расследования по деятельности какого-нибудь батюшки, если на него поступали жалобы, но чтобы об этом так широко знали в городе, я не ожидал.

Вернувшись в епархиальное управление часам к трем, я застал там какой-то чрезвычайный переполох в среде обслуживающего персонала, все как-то озабочено ходили туда сюда и полушепотом переговаривались. Поймав за руку, пробегавшую мимо уборщицу я спросил у нее, что случилось и она, испуганно посмотрев на меня сообщила: «Отца Климента нямия подрала». В нашем кабинете я застал отца Климента, который сидел на своем кресле, задрав голову и приложив платок к щеке. Он опустил его, увидев меня. На щеке, чуть выше того места откуда начинала расти его борода, от правого глаза, алели три царапины, похожие на след, оставляемый кошачьими когтями.

— Кто тебя так, отец?

— А, ерунда. Пошел в подсобку, на втором этаже, за новым картриджем. А ты же знаешь, там света нет и полная темнота, вот и напоролся на какие-то провода.

— А уборщицы твердят это нямия тебя поцарапала.

Отец Климент сердито посмотрел на меня и порывисто встал.

— Не говори глупости!

В этот момент я услышал ясно, как мяукнула кошка, где-то у нас под столом. Монах вздрогнул от неожиданности и глянул под стол, ничего там не обнаружил, уставился на меня, ожидая, что я скажу. Ситуация была глупейшая.

— Схожу к отцу Игорю. — Сказал я и вышел из кабинета.

Протоиерей Игорь Гудин занимал должность заведующего отделом по связям с приходами и всегда был в курсе всего, что творилось в епархии. Он, что называется, убежденный модист, верил искренне в отсутствие Бога и к нашему отделу относился довольно настороженно, как к модернистам, которые допуская некоторые знания о Нем. Когда я зашел к нему в кабинет, он сидел за столом и что-то писал. Его лысина блестела в лучах солнца, проникавшего из окна, расположенного позади него. Отец Игорь приверженец нестандартных священнических одежд, вот и в этот раз на нем был подрясник лилового цвета с какими-то муаровыми разводами. Он поднял голову, на груди его красовался наградной наперсный крест за Отечественную войну 1812 г. «Откуда он берет этот антиквариат» — подумал я, а вслух сказал:

— Батюшка, уповаю на вашу помощь.

Отец Игорь не сразу отложил сою писанину, делая вид, что я у него не в приоритете, есть дела поважнее. Наконец, он положил авторучку на стол и поднял на меня свои чудные, невинные глаза, полные запредельной скорби и сочувствия ко мне.

— Я весь во внимании, Буревой и готов помочь, если, — он развел руки в стороны, — это в моих силах.

— Недавно приходила к вам девушка, ходатайствовать о своем самосгубившемся брате, ее зовут Герта.

— Да, да, что-то припоминаю. — Согласился он.

— Не могли бы вы подсказать мне ее адрес? Я обещал помочь девушке в ее духовных нуждах.

Отец Игорь откинулся на спинку кресла, наверняка собирался сказать какую-нибудь умную благоглупость, но неожиданно согласился тотчас помочь и начал рыться в бумагах, сложенных у него стопкой в лотке для бумаг.

— Если Христос не сын, как же осуществляется наше спасение? — Между делом спросил он, это его была извечная привычка экзаменовать меня в догматике.

— Телом. Им Он пребывает в вечности Небытия, и посредством потребления Его истинного тела мы можем приобщиться к несуществующему Богу.

Гудин самодовольно улыбнулся, полагая, что такие четкие ответы сотрудников епархии его заслуга. Он протянул мне лист бумаги.

— Отсюда мы делаем вывод, что наши протестантские собратья всех деноминаций разрушают веру Христову, изымая из нее самую суть. Не верой, не делами спасается человек, а приобщением к Телу и Крови Его.

Я взял поданный мне лист с прошением, стал читать и не сразу понял смысла того, что было написано, потом, вчитавшись, спросил у отца Игоря:

— Батюшка, а вы само прошение читали?

Он явно смутился, так как видимо не читал прошение, а просто положил в коробку для бумаг. Гудин прочитал вслух: «Прошу разрешение совершить мое заочное отпевание. Справка о смерти прилагается. Герта».

Отец Игорь в растерянности посмотрел на меня, не зная, что сказать. С подобным случаем он, похоже, встречался впервые.

— Неужели это розыгрыш? — Предположил священник

— Не думаю, посмотрите вот на этот знак.

Я указал на черную букву-лилию в самом конце прошения, такую же, как в гробу моего брата и в похоронном бюро. Но на этот раз вряд ли это была плесень.

— Мне этот знак за последние несколько дней встречается не первый раз. — объяснил я.

Оставив в недоумении и растерянности отца Игоря, я отправился к себе в кабинет. Отца Климента на месте не было. Еще раз изучив прошение, я пришел к выводу, что условная лилия вполне была нарисована шариковой ручкой и уж точно не был каким-то случайным явлением

на этом листе бумаги: знак аккуратно вырисован прямо под адресом, датой и подписью просителя. Вошел обеспокоенный отец Климент и с порога объявил:

— Я только что от владыки. В семинарии завелся демоногид, надо ехать.

Мы тут же собрались и пошли в семинарию. Она располагалась недалеко от епархиального управления. Надо было только преодолеть расстояние по набережной вдоль реки Пурсовки, на это обычно уходило не более десяти минут. По дороге мы шли молча, отец Климент сосредоточенно молился про себя, было видно, как однообразно шевелятся его губы. В духовной семинарии я раз в неделю преподавал студентам пятого курса миссиологию. Предмет довольно абстрактный и скучный, поэтому чаще всего рассказывал студентам разные случаи из моей богатой практики. Они слушали с интересом.

То, о чем мне сообщил монах, было очень неприятным известием. Природа демоногидов изучена слабо, а главное их очень сложно было вычислить. Суть явления демоногидов состояло в том, что кто-то из семинаристов (ибо это явление характерно только для духовно-учебных заведений) начинал принимать чужие грехи на себя, впадая в какое-то необычное духовно-душевные состояния. Демоногид так неотразимо действовал на семинаристов, что они выкладывали ему всю свою подноготную, а потом страдали ощущением вины и чахли прямо на глазах. Если не предпринимать никаких мер, то могло дойти и до смерти. Эта тварь заводилась в семинарии уже второй раз на моей памяти, но никогда нам не удавалось понять причину его появления и как от него избавиться. Помогала только общая молитва скорби три раза в день. На этот раз я решил выяснить причину, по которой демоногид появился в учебном заведении.

Трехэтажное здание семинарии располагалось на территории Введенского мужского монастыря, который на самом деле давно покинули монахи и он просто использовался в хозяйственных целях: в келейных корпусах хранили разное имущество, а храмы были приписаны к городским приходам. Здание семинарии — это предмет гордости епископа Тиберия, он вложил в ее строительство колоссальные деньги, переоборудовав бывшую среднюю школу, построенную в 1930-х годах в стиле конструктивизма в роскошный дворец, который в народе прозвали «пряничный домик».

Центральный вход семинарии был оформлен в виде портика с толстыми, пузатыми колонами, над входом свисал прямой козырек. Отец Климент нажал кнопку домофона, внутри аппарата что-то щелкнуло, зажегся огонек видеокамеры — с той стороны охранник изучал нас и, наконец, узнав, нажал кнопку разблокировки магнитного замка. Мы вошли в светлый широкий коридор, где за массивной дубовой стойкой восседал усатый охранник, наблюдавший по монитору за периметром. На стене над его головой висели большие электронные часы, они показывали 5 августа 224 года 15.30. Это не было ошибкой — в семинарии время текло по своему графику, согласно прошению проректора по учебной части протоиерея Азарии Нойман в целях увеличения учебных часов и дидактического влияния на учащихся семинарии, так как сокращение летоисчисления на 1000 лет приближает нашу эпоху к временам первохристианским.

На наш вопрос, где проректор Азария Нойман, охранник ответил, что и он, и все семинаристы в молитвенной комнате. Как и у нас в епархиальном управлении, эта комната располагалась в подвальном этаже, но была гораздо больше нашей, так как должна была вмещать всех семинаристов. Когда мы с отцом Климентом спустились в подвал, то там увидели, как в стасидиях стоят на коленях, обнаженные по пояс пятьдесят семинаристов (именно столько училось на очном отделении) и их нещадно сечет плеткой отец Азария и проректор по ученой части Ольга Валерьевна Земинухина (студенты называли ее за глаза Вареньевна): призимистая, толстая баба лет сорока на коротких ногах, с пухлыми руками, толстыми губами и такими же щеками. Она, сверкая своими маленькими глазками, особенно усердствовала, выбивая из глоток молодежи тонкие крики. Увидев нас, они остановились в своей работе и, обращаясь к учащимся, отец Азария сказал:

— Молитва окончена. Окажите друг другу помощь и отправляйтесь обедать.

Отец Азария маленький, плюгавенький выглядел на фоне массивной Вареньевны как муравей, забредший в стадо крупного рогатого скота. Они оба недружелюбно уставились на нас, ожидая видимо какого-то подвоха, но я вполне миролюбиво обратился к Нойману:

— Здравствуйте, батюшка! Как у вас тут дела? Нам сказали, что опять демоногид завелся?

Оба проректора заговорщицки переглянулись, видно им не хотелось признавать этого факта, так как отчасти была в этом и их вина, поэтому им не особенно хотелось признаваться в своем проколе.

— С чего вы взяли, Буривой? У нас плановые учебно-воспитательные мероприятия, проводили молитву скорби.

С вызовом ответил отец Азария. Он когда-то был правоохранителем, поэтому, будучи в духовном сане сохранял в своей речи некие канцеляризмы. Я не стал далее смущать достойных проректоров, тем более, что Ольга Валерьевна так и сверлила меня своим взглядом, желая проделать, видимо, во мне дыру. Поэтому я примирительно сказал:

— Нет, так нет. Значит у нас неверная информация с отцом Климент. А я вот на занятия пришел, а батюшка в библиотеку зашел.

Отец Климент посмотрел на меня укоризненно, он презирал вранье и всякое криводушие. Однако выхода другого из ситуации я не видел. Мы вдвоем направились следом за проректорами и уже на первом этаже разошлись в разные стороны: монах в библиотеку (в любом случае он найдет себе там дело), а я на занятия. Вспомнил по дороге, что в здании усилиями владыки был устроен лифт, и я не отказал себе в удовольствие прокатиться на третий этаж.

В аудитории студенты 5 курса ожидали меня, как всегда не в полном составе. Мы помолились и я начал занятие, рассказывая о своих сегодняшних впечатлениях, связанных с походом на кладбище. Это был повод, чтобы углубится в тему сект, которые были связаны с нашим краем. Семинаристы слушали невнимательно: кто-то тупо уставился в ноутбук, кто-то делал вид, что читает, кто-то отчаянно боролся со сном. За передней партой спал Степа Васин. Он делал это всегда одним и тем же манером: откинув голову назад и открыв рот, из носа у него со свистом при выдохе вырывалась струя воздуха. Я щелкнул Степана по носу, он от неожиданности вздрогнул и проснулся, уставившись на меня испуганными глазами.

— Ну, рассказывайте, где вы видели демоногида. Или, уточню вопрос, в ком он.

Обратился я к студентам. Они молчали, опасливая поглядывая на меня, наконец, долговязый Мякинин с последней парты хрипло сказал:

— Он в Курахине.

— Где его комната?

— Последняя дверь по коридору, на втором этаже, у самого окна.

Надо было быть очень острожным. По всему видно, что эта тварь попользовалась всеми семинаристами. Пожалуй, высосала у них всю подноготную. То-то они такие вялые. Я пытался припомнить Курахина, но сделать этого не мог, память у меня зрительная плохая, если бы студент ходил на занятия часто я его запомнил бы, но здесь вариант обратный — на занятиях Курахин бывал не часто.

День угасал, но в коридор все еще через окошко проникали лучи солнца, в которых так приятно было греться. Однако долго около окошка стоять не пришлось, когда я дошел до самой крайней комнаты, прямо в дверях столкнулся с Курахиным. Он уже внешне стал меняться: худой, щеки запали, глаза закатились и нос приплюснут. Я резко толкнул его внутрь комнаты, загнал на кровать, перевернул на живот, а руки связал за спиной плетью, которая всегда у меня имелась за голенищем сапога.

Курахин сдулся. Буквально: газы вышли изо рта, ушей. Осталась только оболочка тела, облаченная в подрясник. Я взял ее в руки — она была похожа на резиновую надувную лодку.

Мне подумалось: «А ведь в прошлый раз такого эффекта не было». Да, мы тогда долго вычисляли демоногида и изгнали его только благодаря молитве скорби, правда, помнится, семинариста мы тогда чуть не до смерти забили, но ничего, выжил. Сейчас в одном из городских храмов служит, протоиерей уже.

Что стало причиной такого финала на этот раз? И этот странный газ. Я принюхался: какой-то гнилостный, будто где-то кошка сдохла. Причем вонь как-то целенаправленно, потоком, шла откуда-то из района ванны. В каждой студенческой комнате, рассчитанной на два человека, был отдельный санузел и великолепная ванная комната. Несло именно оттуда. Я включил свет там и увидел, что труба вентиляции пробита и из нее со свистом вырывается вонючий воздух.

Наша вентиляционная система была устроена так, что все вытяжки располагались в подвальной части здания, соответственно труба из этой комнаты опускалась именно туда. Здание семинарии было построено на фундаменте архиерейского дома, постройки XVIII века, а основа ее довольно глубокий подвал, в котором когда-то держали всякие припасы. При строительстве семинарии постарались в подвал спустить максимальное количество коммуникаций.

Я спустился в подвал. Его были стены сложены из красного широкого кирпича, между кирпичами толстый слой известкового раствора, соединяющий все в единую монолитную массу. Подвал глубок и просторен, ближе к стенам тянулся ряд различных коммуникаций: кабеля, трубы, провода. Среди них нелегко было найти нужную мне трубу. Я снял рюкзак, присел, стал расстегивать замок и увидел в полутьме небольшую юркую фигуру: приглядевшись можно было понять, что это маленькие коричневые, человеческие черепа, перемещающиеся на многочисленных ножках, растущих у них, как метелка изнутри. Они очень быстро двигались, и черепа перебегали от стенки к стенке, наконец, метнулись в какую-то дыру в полу. Я только успевал за ними водить фонариком. Заглянул в ту дыру между полом и стеной, будто выгрызенной в толще древнего кирпича. Оттуда мерзко воняло. Вот где и источник газа: труба вентиляции, а ошметки ее обгрызенного окончания были хорошо видны, нависали прямо над этим отверстием. Газ поднимался прямо наверх и Курахин, вероятно войдя, как-то утром или ночью в ванную комнату, вдохнул этот газ, в котором и живет демоногид. Курахин впустил его в себя и поплатился. Но самое главное не в этом, нет. А в том, что демоногид может явиться только в том месте, где есть разложившиеся останки человека. Но где они здесь, в подвале? Должно быть, старые захоронения еще времен, когда здание было в распоряжении ГПУ и здесь расстреливали людей. Возможно, в подвале кого-то просто закопали.

Заделав отверстие разным тряпьем, разбросанным по полу подвала. И закончив осмотр я поднялся на первый этаж, в библиотеку за отцом Климентом. По поводу студента Курахина не переживал — через пару часов он вернется в свой прежний вид, и будет жить дальше как ни в чем не бывало..

Наша библиотека считалась одной из лучших среди семинарских библиотек страны. Владыка очень гордился ей и не жалел денег на приобретение разного оборудования для нее. В библиотеке имелись раздвижные полки с подъемными механизмами, красивые дубовые шкафы, прекрасное освящение, а главное, конечно, великолепный книжный фонд. По распоряжению епископа Тиберия скупались все новинки и много букинистике. Целый шкаф был занят роскошным изданием в кожаном переплете «Истории Милана» на итальянском языке. Владыка очень гордился этим изданием, хотя непонятно было, зачем оно ему нужно. Ведь ни он сам никто-либо другой итальянского языка не знали.

В отделе комплектования фондов за столом сидела заведующая библиотекой Светлана Викторовна, она набирала на компьютере название книг для электронного каталога. Заведующая — пожилая женщина за шестьдесят лет с короткой стрижкой седых, редких волос. Услышав, как хлопнула за мной дверь, она посмотрела на меня поверх очков, которые помещались почти на кончике ее носа. На мой вопрос, где отец Климент она молча указала рукой на

читальный зал, располагавшийся за стеной. Там, прямо посреди зала, сидел на стуле монах Климент в полной прострации: он вытянул ноги, опустил руки и запрокинул голову. Рот у него был открыт, а глаза закатились под самые веки и слегка дрожали. Порядком струхнув, я подбежал к монаху стал его трясти и бить по щекам. Такое ощущение было, что он чем-то ширнулся и теперь кайфует. На шум выглянула из своего кабинета Светлана Викторовна, она строго посмотрела на все это безобразие сквозь затемненные стекла очков, на время скрылась в кабинете и почти тут же снова появилась со стаканом воды в руках, содержимое которого выплеснула в лицо отцу Клименту. Тот вздрогнул, закашлялся, чихнул и очнулся, отирая лицо рукой от воды. Он недоуменно озирался, будто кого-то искал и растеряно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.